

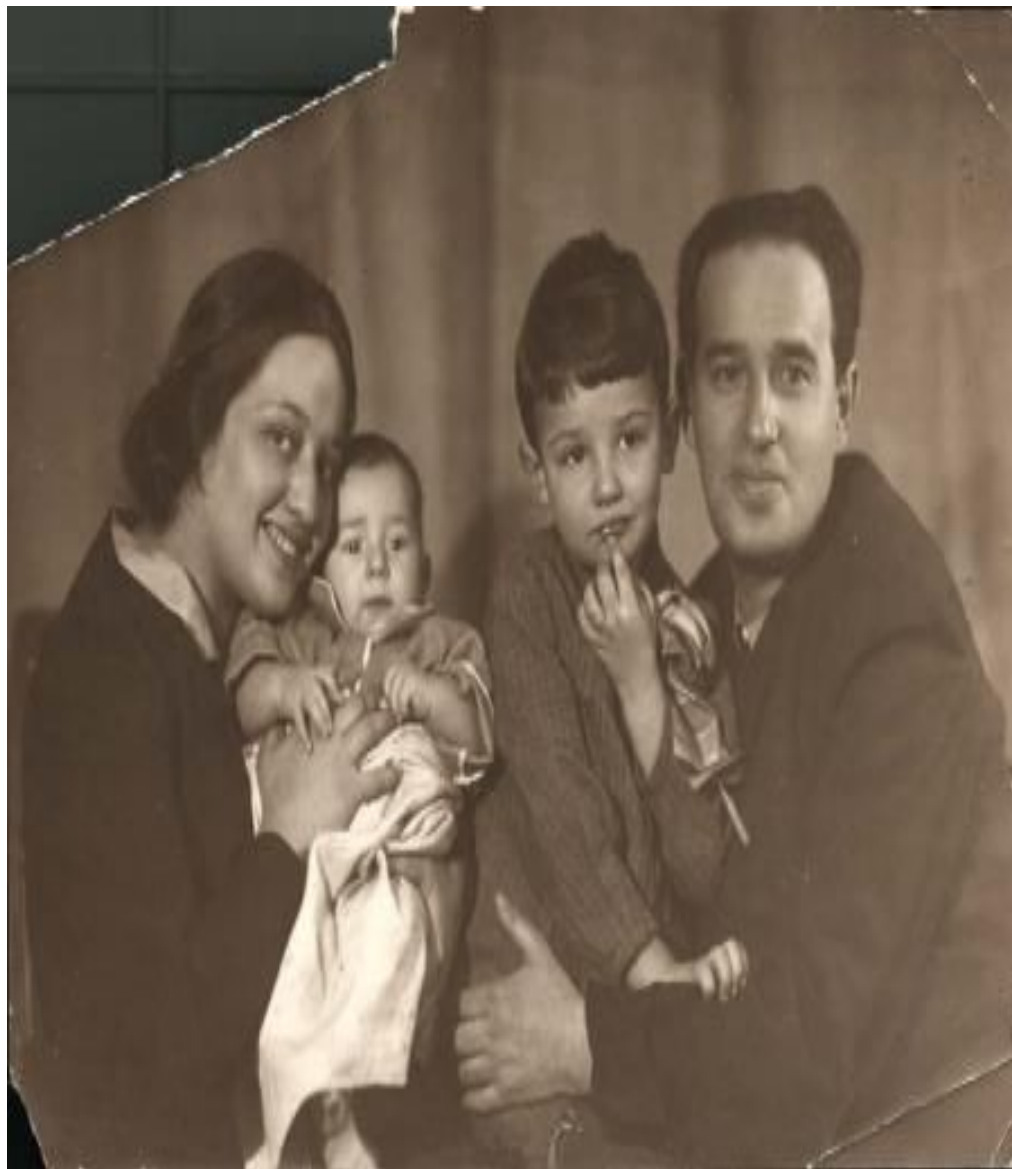
«Знай, к тебе будут приходить разные люди», — однажды пророчески сказала маленькому Саше его мать, Елена Семёновна. — «Верующие и неверующие. Просто помни... Если кто-то придёт к тебе с просьбой, это значит, что к тебе пришёл Иисус Христос».

Эту заповедь он будет помнить до самого последнего мгновения своей жизни. До той утренней минуты 9 сентября 1990 года, когда неизвестный подойдёт к нему и предусмотрительно протянет записку. Подумав, что к нему обращаются с просьбой, отец Александр достанет очки, опустит голову, чтобы прочесть содержание этого «послания», не догадываясь, что эта записка является частью коварного замысла убийцы, которому было важно, чтобы Мень склонил голову — так сподручнее наносить удар...



Имя отца Александра Владимировича, на самом деле, звучало, как Вольф. Вольф Герш-Лейбович Мень. Уроженец Киева. Он был более чем образованным человеком. За плечами — два высших учебных заведения. А ещё религиозная еврейская школа, так и не сделавшая, впрочем, его верующим.

Мать, тоже еврейка, была уроженкой Польши, проведшей часть детства в Европе (Швейцария, Франция), но по какому-то невысказанному стечению обстоятельств занесённая в Россию. Елена Семёновна не просто верила в Бога. Она знала, что вера в Иисуса Христа способна творить чудеса, так как много-много лет назад на её глазах безнадежно больная и угасающая от болезни бабушка вдруг восстала от недуга после личной встречи с легендарным Иоанном Кронштадтским. Произошедшее очень сильно повлияло на 9-летнюю Лену, которая, спустя долгие годы, в возрасте 28 лет, покрестилась, а, став матерью, в полгода крестила тайно и сына, наречённого Александром.



Детство этого паренька прошло в стенах небольшой комнаты в одной из московских коммуналок, где ютилась семья с двумя детьми (Александром и его брат Павлом). В советской школе этот мальчишка, буквально влюблённый в книги, и осиливший уже в первых классах произведения Канта, отличником почему-то не был. Но хорошие отношения с ребятами, которые любили и уважали смыслёного паренька, Саша поддерживал всегда.

Удивительную необходимость служить Богу Саша Мень ощутил на излёте 40-х, когда было ему всего лишь 12 лет. Его неотвратимо влекло в духовную семинарию. Там испугались такого необыкновенного рвеня у подростка и предложили ему прийти... нет, не завтра, а лет эдак через 6, когда ему исполнится 18.



Его университеты были заочными. Московская и Ленинградская семинарии. Отдав все долги Родине, он не забыл про самый важный в его жизни долг — дарить людям откровение Евангелия.

В это время начинает намечаться уникальный стиль, почерк проповедника Александра Меня, который в Русской православной церкви был эдакой белой вороной. Его увлекала христоцентричность, он горел желанием, избегая устаревающих мёртво-церковных шаблонов, нести людям веру, опираясь на один лишь подвиг Христа, говоря с прихожанами не языком церковно-приходских шаблонов, а так, как мог говорить один лишь он...



Церковь в Новой Деревне, куда заглядывали бабушки в платочках, вдруг стала эпицентром молодёжной жизни, и слава об отце Александра Мене, как о русском мессии, способном видеть в каждом Божие, исцелять болезни, от которых не было спасения десятилетия, неслась ветрами России, достигая самых отдалённых её уголков.

«Сын человеческий»

Так называлась книга отца Александра, кочевавшая из рук в руки, где он живым, красочным, литературным языком рассказывал о том, через что пришлось пройти Христу... И книгу, как новое Евангелие от Александра, адаптированное для прихожан передавали из рук в руки. На правах, так сказать, рукописи и «самиздата».

Православие Александра Меня было не просто данью моде, как в 90-е, и не одним из методов оглуляющего единства и единящего оглупления масс, как в наше время. Всю его суть можно изложить цитатой из Евангелия от Иоанна (8:32)

«И познаете истину, и истина сделает вас свободными»

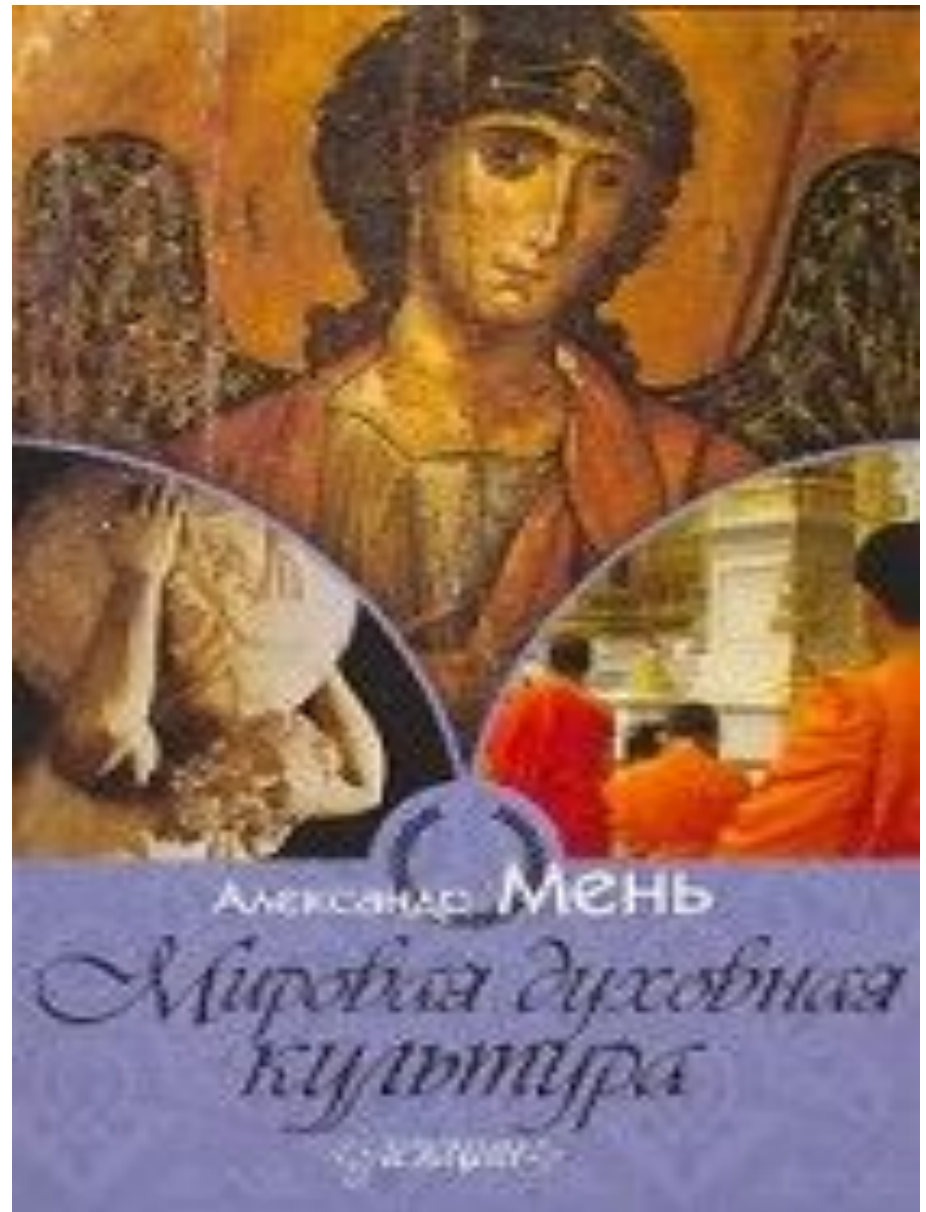


Давно замечено, что нетерпимость, фанатизм - будь то религиозный или атеистический - есть проявление не столько веры, сколько неуверенности. Когда человек сомневается в своей правоте, когда ощущает шаткость своей позиции, у него часто возникает соблазн пустить в ход кулачные приемы доказательства, чтобы и себя утвердить, и других заставить замолчать. Нетерпимость есть род душевного недуга, способного извратить любую, даже самую светлую, идею. Но у фанатизма есть антипод, который ничем его не краше. Вспомним о словах проповедника из "Комедиантов", говорившего о грехе равнодушия. Именно равнодушие, бездуховность или, как выражался Бердяев, "духовная буржуазность" создает то послушное и безгласное панургово стадо конформистов, о котором гневно писал Пушкин: Паситесь, мирные народы! Вас не разбудит чести клич. К чему стадам дары свободы? Их должно резать или стричь. Бездуховная пошлость профанирует все святое. Она подлинный антагонист христианства, более опасный для веры, чем тирания и тем паче честный атеизм.



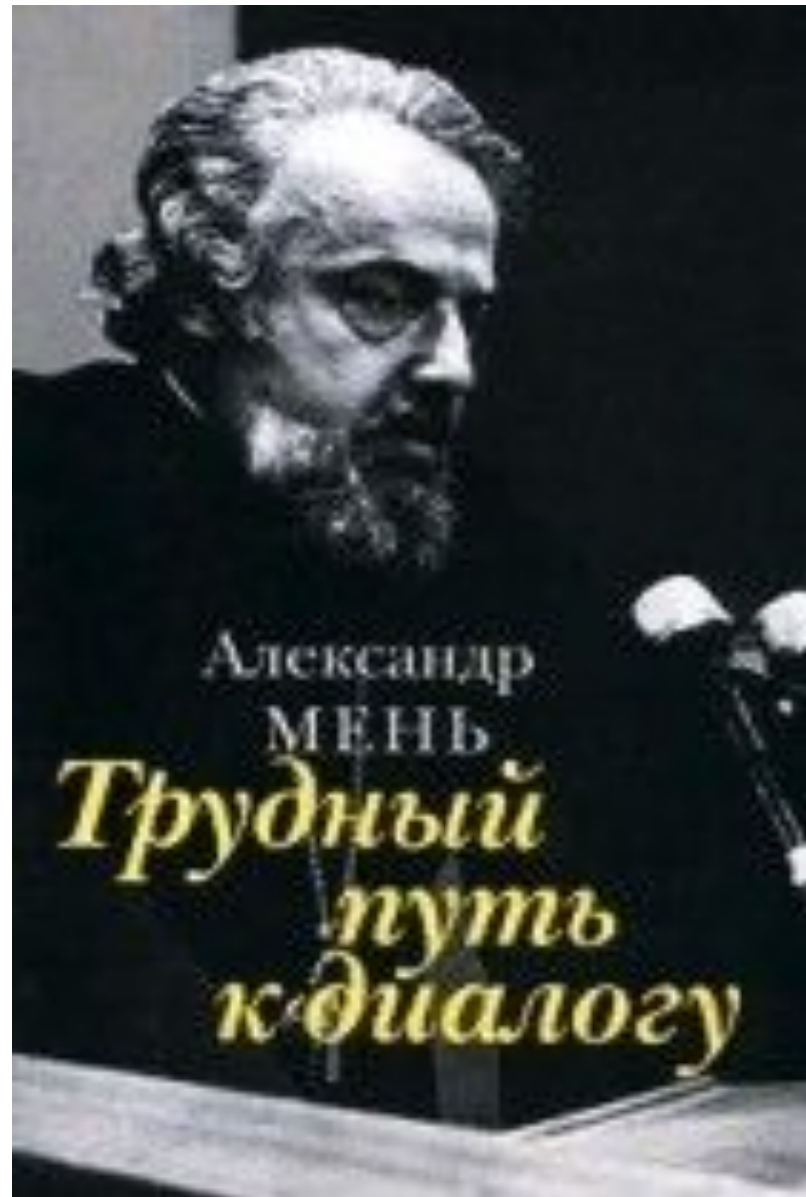
Терпение – это вовсе не состояние скота, который все терпит. Это не унижение человека – совсем нет. Это не компромисс со злом – ни в коем случае. Терпение – это есть умение сохранять невозмутимость духа в тех обстоятельствах, которые этой невозмутимости препятствуют. Терпение – это есть умение идти к цели, когда встречаются на пути различные преграды. Терпение – это умение сохранять радостный дух, когда слишком много печали. Терпение есть победа и преодоление, терпение есть форма мужества – вот что такое настоящее терпение.

истина - это не та вещь, что легко дается в руки. Она действительно похожа на высокую гору, куда надо восходить тяжело дыша, карабкаясь по уступам, порой оглядываясь назад, на пройденный путь, и чувствуя, что впереди еще крутой подъем
Подробнее на [livelib.ru](https://www.livelib.ru/author/724/quote-s-aleksandr-men):
<https://www.livelib.ru/author/724/quote-s-aleksandr-men>



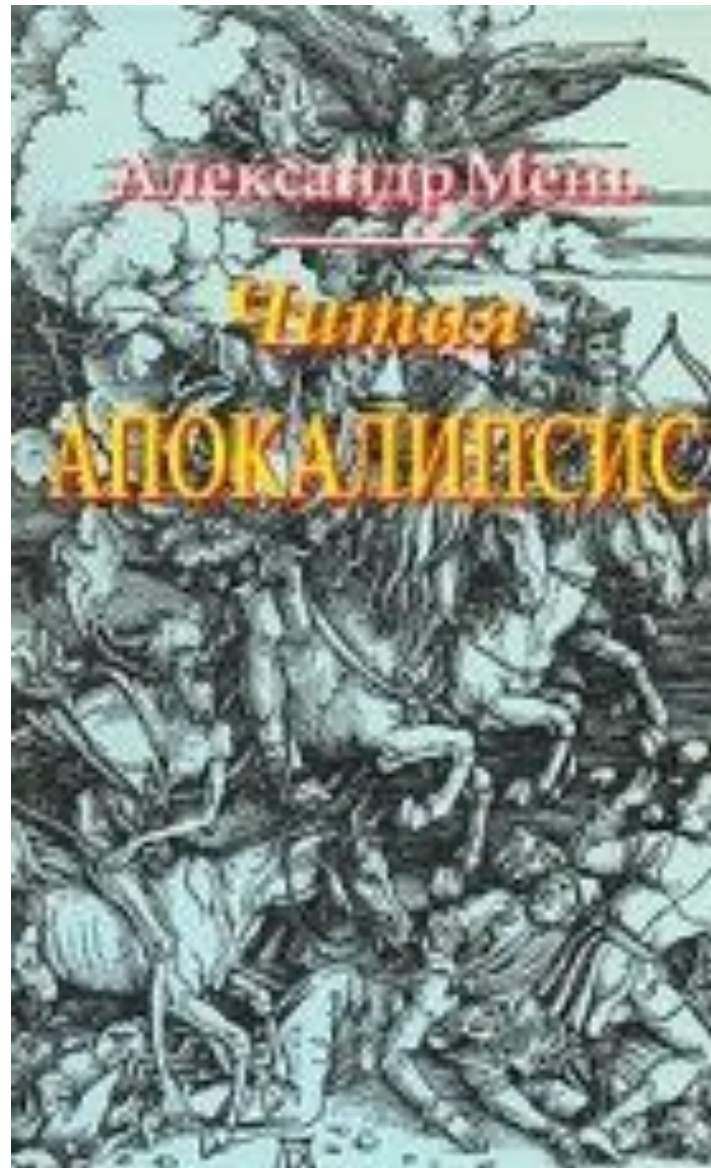
мы кровные родственники любому живому существу на земле, мы связаны со всеми существами. Как устроена клетка человека? Так же, как клетка любого растения, любого животного. Поэтому мы неотделимы от окружающего нас мира, нас нельзя выкинуть из этого мира - нас всех связывают воздух, пища, вода, гравитация.

Разнообразие мнений, напротив, не только помогает критически и творчески мыслить, но и ведет к более полному пониманию оппонентов и более глубокому обдумыванию собственной позиции.



Наука - вещь прекрасная сама по себе, но она не способна сделать человечество счастливым, потому что наука - только одна из сторон нашего бытия, а человеческое ядро - это то, что связано с вечным. Известный русский философ Вл. Соловьев говорил, что два желания, как два крыла, поднимают человеческую душу и историю: это желание правды и желание бессмертия.

Возникает вопрос: что значит «не горяч и не холоден»? Здесь даются два полюса в человеке. Один полюс — с Богом, другой против Бога. Если человек с Богом, это значит, что он стоит на пути к благословлению. Если человек горяч против Бога, он может, как Савл, обратиться, значит, у него душа кипит... Самое страшное — это равнодушие, полное, как в народе говорят: «Ни Богу свечка, ни...» Равнодушие, индифферентность — это болото, в котором погрязает душа. Это смерть души. Я знал многих людей, которые стали истинными христианами, а прежде у них христианство вызывало какое-то отталкивание. А те, которые «в общем» очень благожелательно относились к вере, так всю жизнь и не обратились. Много было таких примеров, таких «гуманных» людей. Для них все это было «заодно», как сказал один из них: «я езжу повсюду — ну, посмотреть что-нибудь интересненькое...» Он не против, но не больше, он и от Бога не отпал и к Богу не пришел, и неизвестно, что он такое. У Данте есть такое место, где находятся души подобного рода — после Лимба, перед рекой, через которую Харон переправляет души, носится толпа жалких существ, которых и ад не принимает, и небо не берет; никто их не берет, и они находятся в каком-то междуцарствии,



Те люди, которые думают, будто сначала можно решить материальные проблемы, а потом духовные — разрубают фактически человека пополам. У нас всё взаимосвязано. Человек, у которого внутренняя гармония, — он и работает иначе, он и относится к окружающим людям иначе. Свобода - нелёгкий дар, его даже называют даром страшным. Но без нее невозможно осуществление подлинного человека.

Человек, ведущий духовную жизнь, должен избегать двух крайностей: с одной стороны, увлечения наслаждениями, а в другом - злоупотребление аскетическими подвигами.

